

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.35.3.8

СИСТЕМНЫЕ ИДЕИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА. И. М. КАНДОРСКИЙ¹

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

Статья представляет собой продолжение серии публикаций, посвященных анализу системных идей и представлений в российской науке XVIII – середины XIX в. В ней рассматриваются основные психологические идеи одного из видных деятелей российского просвещения — И. М. Кандорского, известного интересующимся историей психологии читателям под псевдонимом Иван Михайлов, Пагкратиевский диакон. По внутренней твердой «учительной» потребности Кандорский стремился наставлять человека в познании им сущности своей души. Он автор целого ряда богословских, философских, психологических сочинений в трактатном стиле. Его психологического характера трактат «Наука о душе» (1796) — важная страница в истории становления и развития отечественной психологической мысли. Ценность этой работы, ее значение позволяют поставить «Науку о душе» Кандорского в один ряд с трактатами Аристотеля «О душе» и Авиценны «Книга о душе», подчеркнув тем самым творческую активность российской психологической мысли. В трактате Кандорского преследуется цель систематизировать психологическую проблематику и донести до заинтересованного читателя основные положения науки о душе. Личные научные воззрения Кандорского носят отпечаток рационалистической традиции, признающей разум важнейшим основанием поведения человека. Также обнаруживаются симпатии к эмпирическому принципу, что позволяет видеть в нем сенсуалиста, отмечавшего важность органов чувств в познании. Базовым положением трактата является представление о возможном развитии человека, достижении им самостоятельности мышления и контроле своих чувств. Кандорский говорит о необходимости борьбы, способствующей становлению человеческого в человеке. Его человек борющийся познает себя, способен регулировать свои возрастающие потенциальные возможности. В статье применяется историко-психологическая реконструкция, библиографический метод, а также психологическая интерпретация идей и взглядов российского просветителя.

Ключевые слова: духовный чин; системные идеи; психология; душа; мозг; рационализм; сенсуализм; чувства; борьба; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системные идеи в психологической мысли России в конце XVIII века. И. М. Кандорский // Системная психология и социология. 2020. № 3 (35). С. 102–118. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.8

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Россия.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2478-1468

¹ Продолжение, начало см. 2018, № 3 (27): *Иванов Д. В.* Психологическая мысль в России конца XVIII – начала XIX века. В. Ф. Малиновский.

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.35.3.8

SYSTEM IDEAS IN PSYCHOLOGICAL THOUGHT IN RUSSIA
IN THE END OF THE XVIII CENTURY. I. M. KANDORSKY²D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The present article is a continuation of the study devoted to the analysis of systemic ideas and concepts in Russian science of the XVIII – mid-XIX centuries. It examines the main psychological ideas of one of the prominent figures of the Russian Enlightenment — I. M. Kandorsky, known to readers under the pseudonym of «Ivan Mikhailov, Pagkratievsky deacon». Being a teacher by nature Kandorsky tried to encourage people to know their own Soul. He is the author of a number of theological, philosophical and psychological works in the style of a treatise. His psychological work «The science of the soul» (1796) is an important milestone in the history of the formation and development of the Russian psychological thought. This treatise can be acclaimed as one of the significant works comparable in ultimate importance to Aristotle's «On the soul» or Avicenna's «On the Science of the Soul: a synopsis», and it is emphasized the creative activity of Russian psychological thought. The purpose of Kandorsky's work was to systematize psychological issues and explain to people some of the basic ideas of the «science of the soul». In accordance with the Rationalist tradition, I. M. Kandorsky recognized the mind as the most important basis for human behavior. I. M. Kandorsky, while expressing sympathy for the empirical principle, that makes it possible to see him as a sensualist, also noted the importance of the senses in cognition. The basic concept of the treatise is the idea of the development of a person including developing personal qualities of independent thinking and control over own feelings. Kandorsky insisted on the idea of the importance of formation of the human in a person. His struggling man knows himself and is able to regulate his own personal growth.

The theoretical foundation of research is based on a historical method and method of psychological reconstruction together with bibliographic method as well as psychological interpretation method of the ideas and views of the Russian Enlightener.

Keywords: “spiritual rank”; systemic ideas; psychology; soul; brain; rationalism; sensationalism; feelings; struggle; struggling man.

For citation: Ivanov D. V. System ideas in psychological thought in Russia in the end of the XVIII century. I. M. Kandorsky // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 3 (35). P. 102–118. DOI 10.25688/2223-6872.2020.35.3.8

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Associate professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

История отечественной психологии находится в поиске исторических идей и фактов, не только позволяющих формировать представление о зарождении и первых этапах становления, развития психологической мысли, но и определяющих зоны роста современного

психологического знания [43: с. 5]. Она предстает «оригинальной частью мировой психологической науки» [45: с. 164]. Подобной зоной роста психологического знания в России в конце XVIII столетия явилось сочинение «Наука о душе» (1796) дьякона И. М. Кандорского, духовного чина. Однако спустя столетия его заслуги по-прежнему не оценены еще

² A continuation of the study, published in 2018, № 3 (27): *Ivanov D. V. Psixologicheskaya my'sl' v Rossii koncza XVIII – nachala XIX veka. V. F. Malinovskij.*

в той степени, которой они заслуживают. Его имя упоминается эпизодично и в основном с целью подтверждения самого факта его «давнишнего существования». Тем не менее необходимо признать, что идеи этого мыслителя стали ценными для развития отечественной психологической мысли как конца XVIII в., так и в начале XIX столетия. Год выхода в свет его работы — 1796 — стал своего рода одним из показателей «готовности» психологии выделиться из философского знания, выйти на стезю своего дальнейшего самостоятельного развития и формирования.

Духовный чин и российское просвещение

Когда-то русский гений А. С. Пушкин сказал, что своим просвещением мы обязаны монахам [40: с. 164]. Поэт-философ точно подметил исторически сложившуюся тенденцию, в соответствии с которой ученые монахи-книжники явились учителями, мыслителями и хранителями философского, а равно с ним и психологического знания со времен Древней Руси и Московского царства и не устранились от своих обязанностей и в век Просвещения.

Петр I, отстаивавший приоритет светской власти над церковной, не допустивший избрания нового патриарха на освободившуюся в 1700 г. после Адриана кафедру [30: с. 48], тем не менее верил в серьезный потенциал церковных философов, с помощью которых можно было, как он считал, сблизиться с западноевропейской цивилизацией, а также прорубить окно в стене мистицизма и старой догматики Московского царства. Свой запрос, связанный с обоснованием приоритета светскости над мистицизмом и устарелой религиозной мыслью, русский царь адресовал прогрессивно мыслящим, с его точки зрения, ученым-богословам — Феофану Прокоповичу, Стефану Яворскому, Феофилакту Лопатинскому, Гавриилу Бужинскому, Дмитрию Туптало — выходцам из стен Киево-Могилянской коллегии [6: с. 387; 30: с. 97–98; 44: с. 111–114; 52: с. 151–152]. Это образовательное, высшее учебное заведение, целиком ориентированное на западную систему

богословия [4: с. 83], у истоков которого еще в 1580 г., как считают историки-исследователи, стоял оппонент Ивана IV — западник, князь А. М. Курбский — «предтеча русского просветительства» [11: с. 155]. Именно участники кружка Курбского «завели» училище, ставшее в 1633 г. коллегией [12: с. 64]. В свое время она была поддержана дарованными ей привилегиями царя Алексея Михайловича Тишайшего [Там же: с. 69]. Именно это образовательное заведение стало притягательным центром для молодых людей всех славянских земель на западе России.

Петр I в 1701 г. в своей грамоте впервые называет Киево-Могилянскую коллегию академией [12: с. 69; 39: с. 18]. Близость самой академии к западноевропейской научной мысли, высокая творческая и практическая нацеленность на результат, отсутствие «корневищного срастания» с закоснелыми, по мнению Петра, русскими церковниками, готовность включиться в решение идеологических задач привлекали царя-реформатора.

Киево-Могилянская коллегия имела серьезную научную традицию в области «измышления» и преподавания психологии, а именно того систематического изложения накопленного знания о душе и законах психической деятельности человека [11: с. 169–183; 12: с. 71–75; 28: с. 230–247; 35: с. 5–18; 36: с. 81–82; 48: с. 249–272], которое помогало слушателям познавать самих себя, преодолевать трудности на пути формирования своего характера («норова»), бороться за себя, свое лицо. Именно здесь, еще в XVII – начале XVIII в., как показывает краткий библиографический анализ, были написаны, в соответствии с поставленными задачами обучения как духовных, так и светских лиц, психологические труды «Трактат о душе» и «Психология, или Трактат о душе», изученные в свое время историками психологии. Они вошли в фонд психологической мысли как показатель ее присутствия у восточных славянских народов [12: с. 71; 35: с. 14; 48: с. 251–252]. Авторы этих трактатов, среди которых были И. Кононович-Горбацкий, И. Гизель, И. Кроковский, С. Яворский, И. Поповский, Ф. Прокопович, знавшие как традиционные, так и новейшие западноевропейские теории, полагали,

что психология изучает сущность (*essentiam*) возникающих психических явлений [35: с. 5; 48: с. 255]. Душа выступает своего рода показателем физической жизни органического тела человека. Субстратом души является определенным образом организованная материя — мозг — начало внешних и внутренних чувств [9: с. 89–90; 35: с. 7]. Профессорами коллегии был разработан вопрос о функциях мозга человека, среди которых общее чувство, память, воображение, «оценочная сила», мышление [9: с. 89–90; 35: с. 7–8]. Задачей психологии должно стать наблюдение отдельных операций, их обобщение, описание эссенциальности, самого начала (*principium*) — источника происхождения. Путь психологического изучения сущностных сил души начинается с познания потенций человека, возможных его действий. Важное действие — сама возможность души действовать жить, функционировать. Последующие действия — чувствование, мышление, хотение. Взгляды авторов, прогрессивные для своего времени, имели метафизически-материалистический характер, ориентировали на проблему чувственного познания мира и действительного практического взаимодействия человека с сообществом, проявления себя и своих возможностей.

В понимании этих ученых, философствующих психологов (В. В. Петухов), человек³ — совокупность физических и психических особенностей, отличающих его от другого, ему подобного, которого они называют личностью — *personalitas*, — корнем индивидуализации [35: с. 5, 13; 36: с. 87–88].

Царь-реформатор помнил, что московскую Славяно-греко-латинскую академию, где можно было бы набрать для поддержки и распространения своих идей ученых-монахов, открыло еще правительство царевны Софьи (1687) вслед реализации идей просвещения Московского царства времен их брата Федора III (1680). Это создавало психологический и нравственный барьеры, поскольку образ его мятежной, «ненавистной» сестры связывался с архаикой и уходящим в прошлое Московским царством с его устарелой, по мнению царя, религиозной и философской

мыслью [22: с. 25]. Поэтому сюда, в Славяно-греко-латинскую академию, Петр I в 1701 г. вызывает из Киева профессоров, окончивших Киево-Могилянскую коллегию и в ней же преподававших, для реорганизации московской цитадели высшего образования, питая себя надеждой, что им удастся воспитать ему помощников в деле преобразования «отчества своего» [9: с. 84; 12: с. 73; 36: с. 81].

В стенах московской Славяно-греко-латинской академии, где курс философии и психологии в свое время читали первые здесь авторы различных учебных курсов, монахи — братья Иоанникий и Софроний Лихуды, — обучались представители высших сословий (князя Голицыны, Оболенские, Хованские и др.). Обучались в ее стенах также выходцы из среды духовенства, дети солдат, крестьян («канцелярские, солдатовы и конюховы дети» (М. В. Соколов)), а именно те, кого нужно было обучать новой философии жизни и психологии. Учились в этой академии будущие сторонники петровских преобразований — А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, С. Г. Зыбелин [48: с. 396–402]. По словам А. С. Пушкина, «первый русский университет» — М. В. Ломоносов, защищавший впоследствии естественно-научный подход к психике человека [55: с. 161], изучал философию и психологию у Антония Кувичинского [28: с. 231], читавшего этот курс в постлихударский период истории академии.

Идеи философствующих психологов Киево-Могилянской коллегии (академии) стали своего рода направляющими для «удовлетворения умственных потребностей» (С. Ф. Збандуто) многих интересующихся ими в России в петровское и послепетровское время. Киевские ученые способствовали в определенной мере развитию в России обновленной философско-психологической рефлексии, становлению мировоззрения, преодолевающей существовавшую здесь ранее узость церковного взгляда на мир, что стало показателем его освобождения от излишнего мистицизма [6: с. 387; 9: с. 92–93; 11: с. 173; 12: с. 71–75; 21: с. 25–26; 35; 36].

Представители духовного чина в выражении собственных прогрессивных настроений

³ Конкретный человек — субстанция.

старались оправдать надежды царя-реформатора на ниве просвещения в России [6: с. 387; 11: с. 170–173, 183–189; 38: с. 82–101; 44: с. 95–114; 52: с. 151–186].

Особо преуспел на ниве просвещения доктор богословия, профессор, ректор Киевской академии (1710–1716) архиепископ Феофан Прокопович, защищавший в своих проповедях и похвальных словах, больших работах «Духовный регламент» (1721) и «Правда воли монаршей» (1722) преобразования Петра I [6: с. 387; 39: с. 190, 193, 203; 44: с. 38–45; 52: с. 74–89]. Сочинение Прокоповича «Владимир» [38: с. 147–206] оказало свое влияние на становление мироощущения у русских мыслителей и деятелей зрелого Просвещения — М. М. Хераскова, А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина и др., внесших свой вклад в культуру и развитие психологических идей в России.

Отношение Прокоповича к проблеме человека было достаточно скептическое. Красочно оно выражено в философско-лирических строках, где он обращается к суетному человеку как к «рабе неключимому», «бродящему далеко своими мечтами», которые внезапно разрушаются [38: с. 225]. И хотя для этого просветителя человек — «рабе неключимый» — негодный и бесполезный, тем не менее он обладает рассудительностью, важнейшим атрибутом познавательного процесса. Прокопович, основываясь на сформировавшемся у него за годы обучения в духовных заведениях мировоззрении, уверен, что глубоко верующий человек, уповающий на Бога, крепок душой и телом [Там же: с. 226], обладает способностью к познанию Божьего мира и высоким духом. В публицистических работах, статьях Прокоповича [38: с. 21–146] обнаруживаются помимо богословского знания еще и представления о психологических идеях стоиков, позволявших распространяться о нравственно-этическом отношении человека к миру вещей, миру социального взаимодействия людей и миру духовного самопознания. Прокопович был талантливым церковным и светским деятелем, ставшим руководителем «ученой дружины» Петра I.

Другой профессор, ректор Киево-Могилянской коллегии С. Яворский, который стал по указанию Петра I местоблюстителем

патриаршего престола в Москве [9: с. 84; 35: с. 10–11, 17; 44: с. 95–107; 52: с. 27–29, 46–49, 64–66], надеялся стать патриархом, но так и не был избран, реорганизовал учебный процесс в московской Славяно-греко-латинской академии, став ее протектором, привнеся прогрессивные, материалистически ориентированные тенденции в развитии философско-психологической мысли [35: с. 18]. Яворский поддержал первоначально все начинания царя-реформатора, его строительство государства, армии и флота. Воскликнул с высоким патриотизмом «бессмертную славу, не имеющую конца» [49: л. 54] его войнам и войнам, ведущимся на благо Отечества в своих проповедях. Однако, рассмотрев все стороны реформаторских преобразований, особенно в церковной сфере, и осознав, что патриархом он не станет, но получив чиновничьи рычаги управления в созданном Петром I Священном синоде, Яворский стал высказываться против петровских нововведений [44: с. 97–99]. В своих же ученых наставлениях и лекциях в Киево-Могилянской коллегии, московской Славяно-греко-латинской академии, повлиявших на умы последующих поколений не только духовного чина, но и светских слушателей в России, Яворский — автор психологических сочинений [35: с. 11–13] — утверждал учение о внутренних и внешних мотивах, согласно которому они побуждают человека («интеллект») считать предлагаемые и излагаемые суждения истинными или ложными. И если, по Яворскому, внутренние мотивы — очевидность, то внешние — воля, интересы и вера самого индивида в авторитет и свидетельства другого человека. Для Яворского воля человека разумна, она помогает ему стремиться к благу и избегать зла, полагаясь на «указания» интеллекта. Яворский утверждал равенство человеческой природы и разумность человеческих деяний. Он внес вклад в развитие нравственной психологии в России, написав трактат «Камень веры» (1728), о котором говорили и размышляли в своих сочинениях морально-этического характера сторонники этого направления психологического знания XVIII–XIX столетий, среди которых были славянофилы (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и др.).

В целом можно отметить, что С. Яворский и Ф. Прокопович — представители духовного чина в XVIII в., оставившие свой след на ниве просвещения России и как ученые, и как общественные деятели. Их можно характеризовать в конкретике «обобщенного психологического портрета русских православных мыслителей», предложенного в свое время Е. Ю. Коржовой, как «преобразователя» и «гармонизатора» [27: с. 480]. Идеи преобразователя Прокоповича и гармонизатора Яворского, получившие распространение в лекциях, записях и изданных сочинениях, становились формообразующими для интеллектуальной активности последующих поколений просветителей российского отечества, среди которых был и такой представитель духовного чина, как И. М. Кандорский.

И. М. Кандорский: жизнь, размеренная церковным колоколом

Иван Михайлович Кандорский (ум. 1826) — священник и духовный писатель, духовный чин [1: с. 52; 7: с. 149; 20: с. 291, 293; 25: с. 94; 26: с. 148]. Известно о нем очень мало, за тем лишь исключением, что родился в семье священника, а годы жизни еще требуют уточнения. Его жизненный путь связан со служением русской православной церкви, который с самых первых и до последних шагов он прошел под звон церковных колоколов. Его отец служил в Покровской церкви в Кудрине, в старой Москве. Здесь когда-то располагался Новинский мужской монастырь, принадлежавший московским патриархам, считавшийся владычным домом. Само место (Кудрино) — жизненное пространство будущего мыслителя — располагало к формированию богомыслия и творческой рефлексии. Современные психологи подчеркивают значимость жизненного пространства, которое понимается как своеобразный комплекс предметов и явлений природного и социального характера, что позволяет обеспечивать насущные потребности развивающегося человека [5: с. 14, 24]. Детство сыновей в семье священника проходило в тесной связи с профессиональной деятельностью их отца, с церковью. Очень рано их обучали

навыками чтения, в основном церковнославянских текстов, а позже — грамоте и письму. Полагалось также научиться петь и помогать старшим в церкви во время богослужения. Церковные колокола, призывавшие никогда не забывать службу, «размеряли жизнь» семей священников и священнослужителей на духовный и мирской труд. Картинки из детства Кандорского были похожи на сюжеты жизни ярких российских мыслителей, выходцев из духовного чина — В. Ф. Малиновского, А. С. Лубкина, А. П. Куницына, А. И. Галича, внесших свой существенный вклад в развитие отечественной психологической мысли в конце XVIII – начале XIX в.

Современные исследователи проблем детства эпохи Просвещения, рассматривая особенности его у лиц духовного чина, отмечают наличие общих его признаков, среди которых убогость начального обучения в детстве и стойкое желание продолжить обучение и самообразование в дальнейшем [29: с. 36–39, 101–108, 191–205, 216–222]. Действительно, первые шаги самостоятельного размышления были сделаны Кандорским на пути изучения церковной грамоты в жизненном пространстве старой церковной Москвы. Однако уникальность склада ума, тяга к чтению, глубокий интерес к познанию мира и места человека в нем становились своего рода компенсацией получаемого в раннем детстве одностороннего церковного образования. Мыслитель владел языками, имел представления о философии как зарубежной, так и отечественной, следовательно, его образование не ограничивалось только богословскими учебниками. Движение в саморазвитии и желание литературно представить многим его результат как некий образ действий, становится основным мотивом незаурядной личности, служит показателем наличия духа просвещения у Кандорского.

Известно, что в своей профессиональной деятельности Кандорский достиг определенных высот. Так, в 1796 г. он становится дьяконом, как сам себя именуется «Пагкратіевский діакон» [18], осуществляющий помощь в церковном служении священникам, а позже в качестве награды за службу он уже протоиерей, практически как игумен для монастырской паствы. Свою службу

Кандорский «исправлял» в старинной московской Варваринской церкви, известной еще с XIV столетия. По роду своей деятельности, а более по внутренней твердой «учительной» потребности, присущей скорее ученым-монахам с древнейших времен, протоиерей-мыслитель стремился наставлять, «поучать» человека в его познании своей души. Его выраженная творческая активность, по Е. Ю. Коржовой, позволяет оценить его как гармонизатора, оказывающего воздействие на мир собственным самовыражением в духовно ориентированном творчестве [27: с. 480–487].

Историк В. О. Ключевский отмечает традиционно высокое для России, начиная с эпохи Древней Руси, значение священника, заботившегося о «христианском жителстве» мирян, объяснявшего им «строение душевное» («о душевном долге»), «строение мирское» («о гражданском общежитии») и «строение домовое» («о ведении домашнего хозяйства»). «Его преподавательские средства — богослужение, исповедь, поучение, пример собственной жизни» [23: с. 9]. Для донесения до своих прихожан идей о «душевном строении» у человека, для гармонизации представлений о нем самом Кандорский, помимо устных рассказов и поучений в ходе личных бесед, избирает и письменный способ распространения важных, по его мнению, системных психологических представлений — он пишет трактат.

Психологическая мысль конца XVIII столетия еще испытывает интерес к трактатному изложению знания о человеке и его душе [16]. В трактате представлены авторские умозаключения, которые проистекают из обобщенных понятий, имеют системный характер, опираются на профессиональный тезаурус, поскольку претендуют на системное изложение истинного знания. Таким трактатом явилось и сочинение Кандорского «Наука о душе, или Ясное изображение ее совершенств способностей и бессмертия», которое вышло из печати в Москве в 1796 г. Кандорский опубликовал его под именем Иван Михайлов, Пагкратіевский діакон. Авторство Кандорского было раскрыто позже, на стыке веков, в 1900 г., в одном из библиографических указателей того времени [42]. Название трактата («Наука о душе») позволяет

предполагать, что его автор был знаком с сочинением Я. П. Козельского «Философические предложения» (1768) [24]. Считается, что именно Козельский впервые ввел в русскую литературу термин «психология» [48: с. 346]. В 1768 г. на страницах своих «Философических предложений» он говорит о психологии как «науке о душе» [24: с. 38], посвящает ей специальный раздел. В 1790 г. в своем произведении «Филарет Милостливый» европейски образованный А. Н. Радищев, выпускник Лейпцигского университета, в чьих сочинениях русская материалистическая психология достигла высшей степени своего развития [37: с. 4; 47: с. 14; 55: с. 161–163], также определяет психологию как учение о душе [41: с. 253]. Историко-психологическая реконструкция и психологическая интерпретация творческой рефлексии и мировоззренческого круга Кандорского, работавшего в той же области общественной мысли, что и Козельский с Радищевым, позволяет выявить его интерес к наследию зарубежных мыслителей: Платона, Эпикура, Аристотеля, стоиков, Фомы Аквинского, Р. Декарта (Картезия), Дж. Беркли, Н. Мальбранша, Дж. Локка, Э. Юнга, Г. В. Лейбница, Хр. Вольфа, К. Сента-Иасента, Ф. М. Вольтера, — чьи сочинения были известны в России. Нельзя исключать его знакомство с психологическими взглядами и идеями профессоров-богословов Ф. Прокоповича, С. Яворского и других лиц духовного чина. Прямые ссылки в структурированном тексте Кандорского и отсылки к идеям и мыслям различных ученых говорят о наличии серьезного систематического образования у автора трактата «Наука о душе». Кроме того, в его рефлексии можно обнаружить традицию распространения «кардиогностического принципа в русской психологии» (Д. В. Иванов), с которым мыслитель мог познакомиться в ходе своей профессиональной богословской подготовки, сохранившей в XVIII столетии «кардиогностическую философию сердца» (С. М. Полянский), «кардиогносию», пришедшую со времен Древней Руси и Московского царства [10: с. 80; 16: с. 78; 31: с. 47 и след.; 34]. Написанное Кандорским в 1799 г. сочинение «Образование духа и сердца в непрестанном богомыслии» [19] оказывается

родственным по духу идеям «главы московских просветителей» [48: с. 403], «рыцаря пера и книги» (В. О. Ключевский) — Н. И. Новикова, его программе образования сердца и ума [16: с. 77–80]. Может служить условным продолжением, касающимся вопросов нравственной психологии, «психологии сердца» (Д. В. Иванов), разрабатывавшихся в XVIII в. в сочинениях таких мыслителей, как М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, А. П. Сумароков, И. А. Крылов. Вполне вероятно, что Кандорский также был знаком со взглядами новиковских корреспондентов, авторов статей в его журналах «Утренний свет» (1777–1780), «Вечерняя заря» (1783), «Прибавление к Московским ведомостям» (1783–1784), «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785), где одними из ведущих были проблемы психологического характера — о душе, страстях, воображении, познавательных процессах, воле, темпераменте человека. Запрос общества на психологическую проблематику был очень обширным, поэтому обращение Новикова к вопросам психической жизни человека и поиски заинтересованных в решении этих вопросов авторов соответствовали духу времени [17: с. 72]. Однако периодические издания включают статьи часто разрозненного и дискуссионного характера, пусть и объединенные тематикой и профилем журнала. Идея систематизировать, скрепить на базе общего тезауруса психологическую проблематику и донести до заинтересованного читателя в утвердительной форме науку о душе могла привлекать лишь тех, кто был глубоко неравнодушен к ней, кто понимал необходимость такой творческой активности. Среди таких авторов оказался И. М. Кандорский, систематизировавший психологические идеи и изложивший психологические знания, значимые в конце XVIII столетия, в своем трактате. Его личные психологические воззрения носят отпечаток рационалистической традиции, идущей от Рене Декарта (Картезия) [51: с. 134; 54: с. 146–160], признающей разум важнейшим основанием поведения человека, хотя проявляющиеся у него симпатии к эмпирическому принципу позволяли видеть в нем и своего рода сенсуалиста, отмечавшего важность органов чувств («Впрочем, чувственные представления бывают сильнее разумных...» [18: с. 76]).

Примечательным также является тот факт, что работа Кандорского, где изложены его философские и психологические взгляды, была издана на самом излете жизни Екатерины II, возненавидевшей после Пугачевского бунта и Великой французской революции любые «умствования», расквитавшейся незадолго до этого с выдающимся А. Н. Радищевым и разгромившей рыцаря пера и книги Н. И. Новикова [6: с. 667, 670; 17: с. 69; 30: с. 83, 132–134; 47: с. 13]. Для автора «Науки о душе» охранительной грамотой явились его сан и используемый им трактатный стиль «умствования», не предполагающий в целом дискуссий и противоположных рефлексий относительно конкретного предмета изучения — души человека. Угроз официальной абсолютистской идеологии со стороны духовного чина, находившегося в условиях жесткой иерархии, внутри системы церковного контроля правительство особо не видело. Тем не менее Кандорский опубликовал трактат, скрыв свое авторство под псевдонимом дьякон И. Михайлов.

Ценность «первой русской книги» (Б. Г. Ананьев) по психологии, ее значение для отечественной психологической историографии позволяют поставить «Науку о душе» Кандорского в один ряд с трактатами Аристотеля «О душе» [3: с. 369–448] и Авиценны «Книга о душе» [14: с. 383–521], чьи имена вписаны в историю мировой психологии.

До наших дней не дошло портретное изображение Кандорского, его образ сохраняется как идеальный образ мысли и чувств в его произведениях, сочинениях и трактатах.

В XIX в. философ и психолог, профессор Царскосельского лицея и Петербургского университета А. И. Галич в своей базовой для понимания генезиса российской психологической мысли работе «Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий» (1834) вспоминает дьякона И. Михайлова (Кандорского), подчеркивает существенное значение его трактата. Он уверен, что «Наука о душе» ничуть не хуже зарубежных сочинений того времени [8: с. 38]. И здесь вновь сказывается трактатный стиль изложения Кандорским своих психологических идей

и представлений; их системная взаимообусловленность, хорошо воспринимаемая читателями, как подготовленными, так и жаждущими знания, стремящимися к самообразованию индивидами конца XVIII – начала XIX в.

Позже, в XX столетии, историк и теоретик психологии Б. Г. Ананьев, углубленно изучавший труд Галича и обративший внимание на встречающиеся здесь в историческом экскурсе имена, прибегает к рассмотрению идей Кандорского в своей докторской диссертации «Формирование научной психологии в СССР» (1939) и подготовленной на ее основе монографии «Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков» (1947) [1]. Ученый на страницах своей монографии говорит о сочинении Кандорского, несмотря на его духовный сан и «богословскую задачу его книги», рассматривая истоки научной психологии, подчеркивает, что содержание работы оказывается весьма светским [1: с. 52]. Ананьев называет Кандорского в своих работах Ив. Михайловым, поэтому неудивительно, что в ряде региональных курсов по истории психологии [50: с. 26] указывается именно это имя автора первой русской книги, специально посвященной психологии [1: с. 52].

Трактат Кандорского — это своеобразный ответ тем исследователям общественной мысли, которые утверждали, что самостоятельной и творческой рефлексии у русских философов (и психологов, поскольку в XVIII столетии они были неразделимы на пути познания этого мира и человека в нем) нет, а «восемнадцатый век не оставил новому... философского наследия... философского завета» [53: с. 119]. В наследии Кандорского содержатся системные идеи психологической мысли.

Краткий анализ небольшой части работ Кандорского показал, что философские, психологические, религиозные акценты, обозначенные в его работах, рассматриваются в ряде трудов историко-ориентированного характера [1: с. 52–54; 2: с. 120–121; 4: с. 172–173; 7: с. 149; 8: с. 34; 13: с. 82–85, 91; 20: с. 291, 293; 25: с. 94; 26: с. 148; 33: с. 11, 299; 50: с. 26]. Однако в большинстве случаев, за исключением работ Б. Г. Ананьева, посвященных сугубо психологическим идеям

Кандорского, вне интересов историков остается содержательно-обоснованная характеристика взглядов и идей мыслителя и как представителя духовного чина в стане российских просветителей XVIII в., и как одной из значимых персон в истории отечественной психологической мысли.

В целом в размеренной церковным колоколом жизни русского мыслителя И. М. Кандорского, в его творчестве, если рассматривать творческую жизнедеятельность этого духовного чина с учетом историко-психологической исследовательской задачи, то можно выделить самую важную дату, а именно 1796 г., когда в Москве была опубликована его работа «Наука о душе, или Ясное изображение ея совершенств способностей и бессмертия», ставшая определяющей вехой в развитии отечественной психологии. Этот год стал одним из показателей готовности психологии выделиться из философского знания, выйти на стезю самостоятельного развития и формирования.

Вслед за теоретическим трактатом Кандорского, в контексте необходимости преподавать психологию в гимназиях и университетах, выйдет уникальная работа харьковского магистра, философа и психолога П. М. Любовского «Краткое руководство к опытному душесловию» (1815), где начнет пробивать себе дорогу эмпирический путь — «опытное душесловие» в психологическом знании [32: с. 1]. И хотя труд Любовского продолжит традицию психологических «умствований» и «душесловия» русских мыслителей о вечном в человеческой природе и «опытном» ее изучении [15: с. 72], потребуются еще десятилетия, прежде чем психология в России станет самостоятельной наукой.

Человек есть и существует: он — борец

Начиная с первой энциклопедии психологического знания, известного в человеческой культуре, — «Эпоса о Гильгамеше», — человечество стремилось дать объяснение понятию «душа». Для Кандорского человек — реальность, он сам о себе знает, «что

он есть и существует» [18: с. 1], поскольку он обладает душой. Мыслитель различает материалистические и идеалистические воззрения в их вариациях [Там же: с. 6–7] на сущность человеческой души (*essentiam animi*) [Там же: с. 109]. Душа, в представлениях Кандорского, это то, что «мыслит» в человеке, позволяет ему познавать окружающий мир, находить себя в этом мире, ощущать его [Там же: с. 3]. Душа представляется «существом» простым, невещественным, чувствующим и действующим. Она есть начальная сила, сама причина (*vim activam*) для человека чувствовать окружающие предметы, размышлять о них, действовать свободно [Там же: с. 138]. Это функциональное назначение души. Человеческая душа соединена с телом («...имеет великое между собой согласие так, что когда душа захочет, чтобы тело произвело в себе какое-либо движение; то оно немедленно то и делает: а когда в теле воспоследует какое-либо движение, тогда душа чувствует в себе некоторую перемену приятную или скучную» [Там же: с. 144]). Для следования желанию души движения тела должны осуществляться в соответствии с законами движения, члены тела находятся во власти души и целы [Там же: с. 101]). Однако тайной остается специфика этой связи, указывается перспектива развития здесь психологической рефлексии в отдаленном будущем. Разлученная с телом душа (или дух) остается «существом живым», разумным и со свободной волей. Кандорский обращается в этом месте своего психологического трактата к учениям и теориям Аристотеля, Декарта (Картезия), Мальбранша, Лейбница и Вольфа, систематизирует их взгляды и в то же время оставляет читателю возможность для собственного творчества. Можно отметить, что автор психологического трактата осуществляет поиск факторов возникновения психического, отмечая в качестве одного из них присутствие души, названной показателем общего единства психической жизни человека.

Представляя человеческое существо, основываясь на значимых для того времени достижениях науки, Кандорский подчеркивает, что истоком познания мира становятся ощущения как производные органов чувств

человека («Впрочем, чувственные представления бывают сильнее разумных...» [Там же: с. 76]). Источники ощущений располагаются во внешнем и внутреннем мире человека. Органы, «орудия чувств», реагируют на внешние предметы и явления и доносят «чувства» до «общего орудия», до мозга, порождают в душе «чувства» конкретной вещи [Там же: с. 23]. Органы чувств не должны быть повреждены, затрудненное ощущение не дает возможности адекватно чувствовать, разные ощущения рождают разные чувства, одинаковые ощущения воспринимаются одинаково. В качестве основных в трактате называются пять видов ощущений: зрение («видение»), слух, обоняние, вкус, осязание [Там же: с. 17]. Мыслитель стоит на пороге выделения модальностей ощущений — чувств, качеств проживания их человеком [Там же: с. 17–23]. Кандорский близко подходит к пониманию того, что ощущения имеют связь с деятельностью «специализированных» органов чувств. Разнообразные ощущения — чувства — создают многообразную картину мира человека, вызывают различные переживания, в том числе себя в этом мире. Правильно организованные, развитые органы чувств, синтез ощущений способствуют правильному восприятию мира. Человек действительно включается в познание себя в этом мире. Он создает картину представлений, вырабатывая понятия, которые могут быть ясными либо темными, подробными либо сбивчивыми, полными либо неполными, совершенными либо несовершенными. Человек в ходе выработки понятий о себе и мире опирается на собственный опыт познания, что привносит индивидуальную составляющую в понимание мира. Он способен к воображению, т. е. может представлять / воображать в уме вещи и явления. Воображение становится яснее и сильнее в том случае, если вещь человек обзирал, ощущал дольше, сосредоточивал на ней свое внимание. Воображение оказывается связано с сильными эмоциональными переживаниями. Само воображение может стать причиной страстей человеческих [Там же: с. 26]. Особо останавливается Кандорский на значении воображения для сна, указывая на тот факт, что первоначально сны человека —

это воображаемые явления, ранее увиденные наяву. Проблемы воображения взаимоувязываются с проблемой ума. Прочитавший это заинтересованный читатель конца XVIII – начала XIX в. должен сделать вывод о необходимости самоконтроля за своими зачастую воображаемыми страстями.

Для Кандорского-психолога воображение способствует «происхождению» памяти, которая также увеличивается или ослабевает. Память «уверяет» человека в том, что воображаемая идея была представлена когда-нибудь его чувствами [Там же: с. 30]. Память направлена на ощущения, чувства, идеи (понятия), возникающие у человека в постоянной связи с ее исходными объектами. В работе известного исторического периода, к которому относится трактат Кандорского, нет понятий «представление памяти» и «представление воображения», но уже появляется сама необходимость их введения в систему психологических понятий. Кандорский обращает также внимание на такой полноценный процесс памяти, как забывание («забвение»). Исходя из этого, в его системе идей можно обнаружить и другие процессы памяти — сохранение и воспроизведение [Там же: с. 30]. Останавливается мыслитель на вопросе фантазии, называя ее вымыслом — возможным и невозможным (химерой) [Там же: с. 30]. Память для этого мыслителя активна, имеет существенное значение для индивидуальной жизни человека, говорит о его целостности, связана с его обучением, познанием мира вещей и явлений, позволяет прогнозировать перспективу его дальнейшей деятельности.

Кандорский рассматривает вопросы, связанные с вниманием человека, поскольку они позволяют представлять высшую степень человеческого познания. Внимание позволяет сосредоточиться на исследуемом объекте («когда мы вперим мысль в одну какую-нибудь вещь или в одну часть оной так, что ни о чем другом уже тогда и не думаем» [Там же: с. 34]). Мыслитель предупреждает о тех препятствиях, которые возникают в случае усиливающегося воображения и отвлечения внимания. Подчеркивает значимость «упражнения внимания» при работе с излишней чувствительностью (эмоциональностью)

человека. «Сильный навык», развитый после длительного «упражнения внимания», позволяет даже тем, кто от «природы и не весьма внимателен», развить у себя внимательность, поскольку она связана, по мнению Кандорского, с разумением — базовым отличием человека от животного [Там же: с. 37].

Разумение может быть понято в контексте глубокомыслия, остроты понимания и объяснения человеком важных вопросов. Это также позволяет характеризовать отдельного индивида по присутствию у него проявляемых качеств разумения. Можно отметить, что Кандорский симпатизирует теории локковского сенсуалистического характера о совокупности чувств и размышления, позволяющих составить правильное понимание о мире («изъяснить способ начала и происхождения понятий в уме нашем» [Там же: с. 37]). Возможно, что симпатия небезосновательная, поскольку познание сердцем (кардиогносия, кардионостическая философия, кардиогностический принцип русской психологии [10: с. 80; 16; 31: с. 47; 34]) — глубокий архетип отечественной культуры, а Кандорский — один из значимых ее представителей и деятелей.

Человеку присуще умение рассуждать, сличая между собой идеи, вещи или явления. Свои рассуждения он озвучивает вслух. Те рассуждения, которые словами были произнесены, в системном каталоге идей Кандорского называются предложениями [Там же: с. 47]. Произнесенные вслух предложения — это не только способ взаимодействия людей друг с другом, но и артикулированное оглашение самой мысли, создающей контекст этого взаимодействия. Кандорский останавливается практически на вопросах психологии речи и дает рекомендации, как организовывать и развивать культуру речи, правильно и логично рассуждать, особенно когда эти рассуждения становятся достоянием многих, присутствующих при этом лиц [Там же: с. 48 и след.].

В своем психологическом трактате Кандорский рассматривает эмоционально-волевую сферу человека [Там же: с. 54–88]. Эмоции помогают человеку выразить свое отношение к явлениям окружающего мира. В трактате представлены, говоря современным языком, стенические и астенические

эмоции и эмоциональные состояния, свойственные человеку (приятность, радость, печаль, скука, страсть, удовольствие, ненависть, насмешение, зависть, ревность, гнев, стыд, боязнь и др.). Кандорский практически переходит к описанию моральных чувств человека (великодушные – малодушные, благодарность). Здесь он останавливается на понятии «стойческое бесстрашие» [Там же: с. 71–72], что позволяет ему далее перейти к понятиям «воля», «побудительная причина действия», находящаяся в нас самих. В понимании Кандорского, воля — это разумное желание человека, «способность склоняться к доброму и уклоняться от злого» [Там же: с. 73]. Он считает, что воля поможет человеку управлять собой, не быть поработанным страстями. В этом случае Кандорский говорит о необходимости борьбы [Там же: с. 76], имея в виду личностно-ценностную борьбу, позволяющую человеку познавать себя, саморегулировать свои потенциальные, возрастающие возможности, свое «Я». Борьба чувственного и разумного, телесного и духовного в контексте становления человеческого в человеке — большая ценность в глазах философствующих психологов зрелого Просвещения. Человек борется за себя и приобретает вольность — «способность разума и воли по самопроизволению избирать или делать то, что больше нравится» [Там же: с. 83]. Люди различаются своими потенциальными возможностями в этой борьбе, однако это то, что необходимо делать человеку, это одна из его характеристик. Кандорский переходит к выявлению различий между индивидами, отмечая их признаки и в телах, и в душах [Там же: с. 91].

Люди различаются, с точки зрения мыслителя, по своим природным способностям, природным склонностям. Способности, по мнению Кандорского, следует взаимоувязывать с разумом человека, а его склонности — с волей. Он подчеркивает, что их необходимо развивать «нарочным упражнением и тщанием», поскольку природную способность потерять легко. Кандорский верит в возможность развития и самосовершенствования человека.

Различия между людьми отмечается мыслителем на уровне выраженности темперамента у того или иного индивида. Выделение

типов темперамента базируется на типологическом понятии «кровь», характерном для эпохи Просвещения. Сангвиники — люди с теплой, живой, красной, изобильной кровью. Они веселы, разговорчивы, остроумны и памятливы, имеют ясные идеи, но непостоянны в своих мыслях. В крови холериков есть примесь светлой желчи. Мысли холериков быстрые и острые, замыслы благородные. Они трудолюбивы, но склонны к похвале и сести, упрямы. Черная желчь в крови — показатель меланхоликов, которые вследствие этого боязливы, молчаливы, жестоки, остроумны, но медлительны. Флегматики, имеющие в своей крови много примеси мокроты, неспорны телом и умом, нетерпеливы к трудам и ленивы [Там же: с. 104–106].

В целом можно отметить, что у И. М. Кандорского в психологическом трактате «Наука о душе» обнаруживаются системные идеи о природе человека и сущности его души, потенциальных возможностях познания им окружающего мира и своего места в нем. Базовым положением этого трактата является представление о возможном развитии человека, достижении им определенных высот («...душевные способности наши при помощи хорошего воспитания и наставления приходят в совершенство» [Там же: с. 162]) в самостоятельности мышления и контроле своих чувств. Кандорский говорит о необходимости борьбы для человека. Его человек борющийся познает себя, способен регулировать свои возрастающие потенциальные возможности, он нравственен и волен.

* * *

В истории становления отечественной психологической мысли XVIII столетия особое место занимают ученые-монахи. Стараниями духовных чинов Киево-Могилянской академии, московской Славяно-греко-латинской академии идеи о душе, субстратом которой является «определенным образом организованная материя» (мозг), о способностях, человеческом потенциале, возможностях развития индивида оставались в фокусе интересов общества. Эти идеи, носившие системный

характер, являлись основополагающими для русской психологической мысли, отражали определенное своеобразие концептов, понятий, их системного сложения, возможные способы как выражения, так и достижения обозначенных целей и решения поставленных вопросов в эпоху Просвещения.

Священнослужитель И. М. Кандорский — один из видных представителей российского просвещения, ученый, философ, психолог. По роду своей профессиональной деятельности, по внутренней твердой «учительной» потребности стремился наставлять, «поучать» человека в познании им своей души. Кандорский выражает себя в духовно-ориентированном творчестве, оказывает собственным примером воздействие на окружающий его мир, он — гармонизатор по проявленной им творческой активности в жизнедеятельности. Он также автор целого ряда богословских, философских, психологических сочинений. Его трактат «Наука о душе» — своеобразная страница в истории развития отечественной психологической мысли. Год выхода трактата из печати — 1796 — стал знаменательным в житетворчестве самого Кандорского, автора первой психологической монографии, известной в России до настоящего времени.

Комплексное изучение творческой рефлексии и мировоззренческого круга Кандорского позволило выявить сложившиеся у него интересы к наследию как зарубежных, так и отечественных мыслителей, чьи сочинения и идеи были широко известны в России. Его психологические воззрения опираются на рационалистическую философскую

традицию, но в то же время его тяготение к эмпирическому пути познания позволяло видеть в нем сенсуалиста. В его научной рефлексии находит свое место традиция рассмотрения кардиогностического принципа, указывающая на приоритет чувственного познания, значимого в отечественной психологии с древнейших времен.

Системные идеи Кандорского — показатель непрерывающейся рефлексии в отечественной психологической мысли о человеческой природе и возможностях человека.

Заключение

Наши современники настаивают на том, что разные науки, рассматривающие человека в качестве предмета изучения, рано или поздно приходят к необходимости учета данных психологии [46: с. 72]. Философ, психолог эпохи зрелого Просвещения И. М. Кандорский в трактате «Наука о душе» постарался учесть значимые достижения научной мысли того времени. Историко-психологическая реконструкция его творческого наследия, психологическая интерпретация идей и взглядов российского просветителя позволили в контексте сегодняшнего дня рассмотреть системные психологические идеи, составить целостное представление о природе человека, сущности его души. Отмечено, что базовым положением является представление о возможности развития человека. Замечено также то, что борющийся человек, с точки зрения Кандорского, нравственен и волен.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков: монография. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Апенюк (Черкасова) Р. С.** Проблема души в русской философии XVIII века // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 6. С. 119–126.
3. **Аристотель.** Сочинения: в 4 т. Т. 1. / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. 550 с.
4. **Артемьева Т. В.** История метафизики в России XVIII века: монография. СПб.: Алетейя, 1996. 320 с.
5. **Виноградов П. Н.** Психология жизненного пространства развивающегося человека (образы и идеи Царскосельского Лицея) // Развитие человека в современном мире. 2020. № 1. С. 14–26.
6. **Всемирная история:** в 10 т. Т. 5. / отв. ред. Я. Я. Зутис. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 782 с.
7. **Гаврюшин Н. К.** Самопознание как таинство. Заметки о русской религиозной антропологии // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 140–162.

8. **Галич А. И.** Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий: монография. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1834. XIV, 677 с.
9. **Губко А. Т.** Роль Киево-Могилянской академии в зарождении психологических наук на Украине // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 82–93.
10. **Емельянов Б. Ф.** Русская философия как человековедение: сб. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 327 с.
11. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в России XI–XX веков: монография. СПб.: Петрополис, 2015. 480 с.
12. **Збандуто С. Ф.** Киевская академия XVI–XVIII вв. // Советская педагогика. 1946. № 7. С. 59–75.
13. **Зенько Ю. М.** Трехвековой диалог психологии и религии в России // Христианское чтение. 2000. № 19. С. 82–164.
14. **Ибн Сина (Авиценна).** Избранные философские сочинения. М.: Наука, 1980. 552 с.
15. **Иванов Д. В.** Психологическая мысль в России начала XIX века. П. М. Любовский // Системная психология и социология. 2018. № 2 (26). С. 69–81.
16. **Иванов Д. В., Галюк Н. А.** Психологическая мысль в России в XVIII веке: к истокам основных идей о потенциальных возможностях человека, его борьбе и труде // Системная психология и социология. 2018. № 1 (25). С. 67–87.
17. Из истории русской психологии: сб. / под ред. М. В. Соколова. М.: АПН РСФСР, Ин-т психологии, 1961. 439 с.
18. **Кандорский И. М.** Наука о душе, или Ясное изображение ее совершенств способностей и бессмертие / Трудов папкратиевского диакона Ивана Михайлова. М.: Тип. А. Решетникова. 1796. [2], IV, 184 с.
19. **Кандорский И. М.** Образование духа и сердца в непрестанном богомыслии. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1799. XII, 227 с.
20. **Каменский З. А.** Философские идеи русского Просвещения (деистическо-материалистическая школа): монография. М.: Мысль, 1971. 398 с.
21. **Клыпа О. В.** Истоки психолого-педагогической мысли в России. М.: ВЛАДОС, 2017. 199 с.
22. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. 4 / под ред. В. Л. Яника; послесл. и коммент., сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. 398 с.
23. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. 9 / под ред. В. Л. Яника; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. М.: Мысль, 1990. 525 с.
24. **Козельский Я. П.** Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским: монография. СПб.: Сенат. Тип., 1768. [40], 225 с.
25. **Кондаков И. М.** Метафизика души в произведениях русских мыслителей XVIII–XIX вв. // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6. С. 89–96.
26. **Кондаков И. М.** Психология в зеркале пушкинской судьбы: монография. М.: ЭКО, 2000. 224 с.
27. **Коржова Е. Ю.** Творческий лик русских мыслителей: монография. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 507 с.
28. **Костюк Г. С.** Избранные психологические труды / под ред. Л. Н. Проколиенко. М.: Педагогика, 1988. 304 с.
29. **Кوشелева О. Е.** «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
30. **Курукин И. В.** История России XVIII век. М.: Дрофа, 2010. 254 с.
31. **Лебеденко А. А.** Философия сердца в истории русской религиозно-философской мысли XI–XX вв.: дис. ... канд. философ. наук. М., 2010. 194 с.
32. **Любовский П. М.** Краткое руководство к опытному душесловию. Харьков: Универ. тип., 1815. IV, 144 с.
33. Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века: сб. / подгот. текстов, вступ. ст. Т. В. Артемьевой. СПб.: Наука, 1996. 316 с.
34. **Овчинникова Е. А.** «Пневматология» и «кардигносия» в русской мысли XVIII века // Серия «Symposium». Христианская культура на пороге третьего тысячелетия. Вып. 5. Мат. научн. конф. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 54–55.
35. **Пелех П. М.** Психология в Киево-Могилянской Коллегии XVII века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1949. 18 с.
36. **Пелех П. М.** Переводные идеи в отечественной психологии в XVII и начале XVIII века // Известия АПН РСФСР. 1955. № 65. С. 81–89.

37. **Петровский А. В.** Психологические воззрения А. Н. Радищева: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина, 1950. 13 с.
38. **Прокопович Ф.** Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 503 с.
39. Психологическая мысль России: век Просвещения: монография // отв. ред. В. А. Кольцова. СПб.: Алетейя, 2001. 376 с.
40. **Пушкин А. С.** Собрание соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1976. 398 с.
41. **Радищев А. Н.** Избранные сочинения: сб. / вступ. ст. Г. П. Макогоненко. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1949. LXIII, 856 с.
42. **Рогожин В. Н.** Указатель к «Опыту российской библиографии» В. С. Сопикова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. А. С. Суворин, 1908. XXI, 253 с.
43. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
44. Русская мысль в век Просвещения: монография / отв. ред. Н. Ф. Уткина, А. Д. Сухов. М.: Наука, 1991. 280 с.
45. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: Воен. изд-во, 2004. 240 с.
46. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии, 2017. 356 с.
47. **Смирнов А. А.** Развитие и современное состояние психологической науки в СССР: монография. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
48. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 420 с.
49. **[Стефан Яворский].** Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг.: рукопись. [Б. М.], втор. пол. XVIII в. 192 л. // РГБ: научн.-исслед. отд. рукописей. Фонд хранения: 173.П. Ед. хр. № 112.
50. **Фоминых Е. К., Пучкова И. М.** История психологии: Развитие отечественной психологии: учеб. пособие. Казань: КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 150 с.
51. **Хёйстад У. М.** История души от Античности до современности: монография / пер. с норв. С. Карпушиной. М.: Текст, 2019. 477, [3] с.
52. **Шкуринов П. С.** Философия России XVIII века. М.: Высш. шк., 1992. 256 с.
53. **Шпет Г. Г.** Очерк развития русской философии. I / [отв. ред.-сост., коммент., археограф. работа Т. Г. Щедрина]. М.: РОССПЭН, 2008. 592 с.
54. **Якунин В. А.** История психологии. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. 379 с.
55. **Ярошевский М. Г.** История психологии: монография. 3-е изд., перераб. М.: Мысль, 1985. 575 с.

References

1. **Ananiev B. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov [Essays on the history of Russian psychology in the 18th and 19th centuries]. Moscow: OGIz, 1947. 168 p.
2. **Apenok (Cherkasova) R. S.** Problema dushi v russkoj filosofii XVIII veka [Soul problem in the Russian philosophy of the XVIII century] // Social'no-E'konomicheskie Yavleniya i Processy` [Socio-Economic Phenomena and Processes]. 2015. T. 10. № 6. P. 119–126.
3. **Aristotle.** Sochineniya: v 4 t. T.1. [Works: in 4 volumes. Vol. 1.] / ed. by V. F. Asmus. Moscow: My'sl, 1975. 550 p.
4. **Artemieva T. V.** Istoriya metafiziki v Rossii XVIII veka [History of metaphysics in Russia in the 18th century: monograph]. St. Petersburg: Aleteya, 1996. 320 p.
5. **Vinogradov P. N.** Psixologiya zhiznennogo prostranstva razvivayushhego cheloveka (obrazy` i idei Czarskosel'skogo Liceya) [Psychology of the living space of a developing person (images and ideas of the Tsarskoselsky Lyceum)] // Razvitie Cheloveka v Sovremennom Mire [Human Development in the Modern World]. 2020. № 1. P. 14–26.
6. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. Tom 5 [World history: in 10 volumes. Vol. 5.] / ed. by I. Ya. Zutis. Moscow: Publishing house of socio-economic literature, 1958. 782 p.
7. **Gavryushin N. K.** Samopoznanie kak tainstvo. Zаметki o russkoj religioznoj antropologii [Self-knowledge as a mystery. Notes on Russian religious anthropology] // Voprosy` Filosofii [Problems of Philosophy]. 1996. № 5. P. 140–162.
8. **Galich A. I.** Kartina cheloveka, opy`t nastavitel'nogo chteniya o predmetax samopoznaniya dlya vsex obrazovanny`x soslovij [Painting of a person, the experience of instructive reading about the subjects of self-knowledge for all educated estates]. St. Petersburg: Type. Imper. Acad. Sciences, 1834. XIV, 677 p.

9. **Gubko A. T.** Rol' Kiev-Mogilyanskoj akademii v zarozhdenii psixologicheskikh nauk na Ukraine [The role of the Kiev-Mohyla Academy in the birth of psychological sciences in Ukraine] // Voprosy' Psixologii [Questions of Psychology]. 1980. № 1. P. 82–93.
10. **Emelyanov B. F.** Russkaya filosofiya kak chelovekovedenie [Russian philosophy as human science: collection of articles]. Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2014. 327 p.
11. **Zamaleev A. F.** Filosofskaya my'sl' v Rossii XI–XX vekov [Philosophical thought in Russia XI–XX centuries]. St. Petersburg: Petropolis, 2015. 480 p.
12. **Zbanduto S. F.** Kievskaya akademiya XVI–XVIII vv. [Kiev Academy of the XVI–XVIII centuries] // Sovetskaya pedagogika [Soviet Pedagogy]. 1946. № 7. P. 59–75.
13. **Zenko Yu. M.** Trexvekovoj dialog psixologii i religii v Rossii [Three-century dialogue between psychology and religion in Russia] // Xristianskoe chtenie [Christian reading]. 2000. № 19. P. 82–164.
14. **Ibn Sina (Avicenna).** Izbranny'e filosofskie sochineniya [Selected Philosophical Works]. Moscow: Nauka, 1980. 552 p.
15. **Ivanov D. V.** Psixologicheskaya my'sl' v Rossii nachala XIX veka. P. M. Lyubovskij [Psychological thought in Russia at the beginning of the 19th century. P.M. Lyubovsky] // Sistemnaya Psihologiya i Sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2018. № 2 (26). P. 69–81.
16. **Ivanov D. V., Galyuk N. A.** Psixologicheskaya my'sl' v Rossii v XVIII veke: k istokam osnovny'x idej o potencial'ny'x vozmozhnostyax cheloveka, ego bor'be i trude [Psychological thought in Russia in the 18th century: to the origins of the basic ideas about the potential of a person, his struggle and work] // Sistemnaya Psixologiya i Sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2018. № 1 (25). P. 67–87.
17. Iz istorii russkoj psixologii [From the history of Russian psychology] / ed. by M. V. Sokolov. Moscow: APN RSFSR, Institut Psixologii, 1961. 439 p.
18. **Kandorsky I. M.** Nauka o dushe ili yasnoe izobrazhenie eya sovershenstv sposobnostej i bezsmertie / Trudov pagkratievskogo diakona Ivana Mixajlova. [Science of the soul, or a clear image of its perfections, abilities and immortality / Proceedings of the Pagkratian deacon Ivan Mikhailov]. Moscow: Tipografiya A. Reshetnikova. 1796. [2], IV, 184 p.
19. **Kandorskiy I. M.** Obrazovanie duha i serdca v neprestannom bogomy'slii. [Formation of spirit and heart in unceasing God-thinking]. Moscow: Univ. tipografiya v Ridiger i Klauidiya, 1799. XII, 227 p.
20. **Kamenskiy Z. A.** Filosofskie idei russkogo Prosveshheniya (deistichesko-materialisticheskaya shkola) [Philosophical ideas of the Russian Enlightenment (deistic-materialistic school)]. Moscow: Misl, 1971. 398 p.
21. **Klypa O. V.** Istoki psixologo-pedagogicheskoy my'sli v Rossii [The origins of psychological and pedagogical thought in Russia]. Moscow: VLADOS, 2017. 199 p.
22. **Klyuchevsky V. O.** Sochineniya: v 9 t. T. 4. [Works: in 9 volumes. Vol. 4.] / ed. by V. L. Yanik; afterword by V. A. Alexandrov, V. G. Zimina. Moscow: Misl', 1989.398, [1] p.
23. **Klyuchevsky V. O.** Sochineniya: v 9 t. T. 9. [Works: in 9 volumes. Vol. 9.] / ed. by V. L. Yanik; afterword by R. A. Kireeva. Moscow: Misl', 1990. 525, [1] p.
24. **Kozelsky Ya. P.** Filosoficheskie predlozheniya, sochinenny'e nadvorny'm sovetnikom i pravitel'stvuyushhego senata sekretarem Yakovom Kozel'skim [Philosophical proposals composed by the court counselor and the governing senate secretary Yakov Kozelsky]: St. Petersburg: Senate. Tip., 1768. [40], 225 p.
25. **Kondakov I. M.** Metafizika dushi v proizvedeniyah russkikh my'slitelej XVIII–XIX vv. [Metaphysics of the Soul in the Works of Russian Thinkers of the 18–19th Centuries] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 1999. T. 20. № 6. P. 89–96.
26. **Kondakov I. M.** Psixologiya v zerkale pushkinskoj sud'by [Psychology in the mirror of Pushkin's fate]. Moscow: EKO, 2000. 224 p.
27. **Korzhovala E. Yu.** Tvorcheskiy lik russkix my'slitelej [The creative face of Russian thinkers]. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. 507 p.
28. **Kostyuk G. S.** Izbranny'e psixologicheskie trudy' [Selected psychological works] / ed. by L. N. Prokopenko. Moscow: Pedagogika, 1988. 304 p.
29. **Kosheleva O. Ye.** «Svoe detstvo» v Drevnej Rusi i v Rossii e'poxi Prosveshheniya (XVI–XVIII vv.) [«My childhood» in Ancient Russia and in Russia of the Age of Enlightenment (XVI–XVIII centuries)]. Moscow: URAO, 2000. 320 p.
30. **Kurukin I. V.** Istoriya Rossii XVIII vek. [History of Russia in the 18th century]. Moscow: Drofa, 2010. 254 p.
31. **Lebedenko A. A.** Filosofiya serdca v istorii russkoj religiozno-filosofskoj my'sli XI–XX vv. [Philosophy of the heart in the history of Russian religious and philosophical thought of the XI–XX centuries: dis. ... PhD in Philosophy]. Moscow, 2010. 194 p.

32. **Lyubovsky P. M.** Kratkoe rukovodstvo k opy`tnomu dushesloviyu [A Brief Guide to Experienced Psychology]. Kharkov: Univer. tipogr., 1815. IV, 144 p.
33. My`сли o dushe. Russkaya metafizika XVIII veka [Thoughts about the soul. Russian metaphysics of the 18th century: collection of works.] / ed. by T. V. Artemyeva. St.Peterburg: Nauka, 1996. 316 p.
34. **Ovchinnikova E. A.** «Pnevmatologiya» i «kardiognosiya» v russkoj my`сли XVIII veka [«Pneumatology» and «cardiognosis» in Russian thought of the 18th century] // Seriya «Symposium». Khristianskaya kul`tura na poroge tret`ego ty`syacheletiya. Vi`pusk 5. Mat. nauchnoj conf. [Symposium series. Christian culture on the threshold of the third millennium. Issue 5. The mat. of the scientific conf.] St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2000. P. 54–55.
35. **Pelekh P. M.** Psixologiya v Kievo-Mogilyanskoj Kollegii XVII veka: avtoref. diss. [Psychology in the Kiev-Mohyla Collegium of the XVII century: author. dis.... PhD in Ped. Sciences]. Kiev, 1949. 18 p.
36. **Pelekh P. M.** Perevodny`e idei v otechestvennoj psixologii v XVII i nachale XVIII veka [Translated ideas in Russian psychology in the 17th and early 18th centuries] // Izvestiya APN RSFSR. 1955. № 65. P. 81–89.
37. **Petrovsky A. V.** Psixologicheskie vozzreniya A. N. Radishheva: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Psychological views of A. N. Radishchev: dis. ... PhD in Ped. Sciences]. Moscow: Mosk. gor. ped. in-t im. V. P. Potemkina, 1950. 13 p.
38. **Prokopovich F.** Sochineniya [Works] / ed. by I. P. Eremina. Moscow-Leningrad: Izdat-vo USSR, 1961. 503 p.
39. Psixologicheskaya my`sl` Rossii: vek Prosveshheniya [Psychological thought in Russia: the Age of Enlightenment] // ed. by V. A. Koltsova. St. Petersburg: Aleteya, 2001. 376 p.
40. **Pushkin A. S.** Sobranie soch.: v 10 t. T. 7. [Collected works: in 10 volumes. T. 7]. Moscow: Xudozh. literatura, 1976. 398 p.
41. **Radishchev A. N.** Izbranny`e sochineniya [Selected works: collection of works] / foreword by G. P. Makogonenko. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1949. LXIII, 856 p.
42. **Rogozhin V. N.** Ukazatel` k «Opy`tu rossijskoj bibliografii» V. S. Sopikova. 2-e izd., ispr. i dop. [Index to the «Experience of Russian Bibliography» V. S. Sopikova. 2nd ed., Rev. and add.]. St. Petersburg: Izd. A. S. Suvorin, 1908. XXI, 253 p.
43. **Romanova E. S, Ryzhov B. N.** Istoriya psihologii s sistemny`h pozicij [History of psychology from a systemic perspective] // Sistemnaya Psixologiya i Sociologiya [Systems psychology and sociology]. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
44. Russkaya my`sl` v vek Prosveshheniya [Russian thought in the Age of Enlightenment] / ed. by N. F. Utkina, A. D. Suxov. Moscow: Nauka, 1991. 280 p.
45. **Ryzhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`сли [History of psychological thought. Paths and patterns]. Moscow: Voen. Izd., 2004. 240 p.
46. **Ryzhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [System psychology]. 2nd ed. Moscow: T8 Izdat. texnologii, 2017. 356 p.
47. **Smirnov A. A.** Razvitie i sovremennoe sostoyanie psixologicheskoy nauki v SSSR [Development and current state of psychological science in the USSR]. Moscow: Pedagogika, 1975. 352 p.
48. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskix vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekax [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 420 p.
49. **Stefan Yavorsky.** Propovedi Stefana Yavorskogo za 1702–1716 gg.: rukopis`. [B.M.], vtor. pol. XVIII v. 192 l. [Sermons of Stefan Yavorsky for 1702–1716: manuscript. [B.M.], sec. floor. XVIII century. 192 l.] // RGB: scientific research. dep. manuscripts. Storage fund: 173.II. Unit st. №. 112.
50. **Fominyx E. K, Puchkova I. M.** Istoriya psixologii: Razvitie otechestvennoj psihologii [History of psychology: Development of domestic psychology]. Kazan: KSU im. IN AND. Ulyanov-Lenin, 2007. 150 p.
51. **Huistad W. M.** Istoriya dushi ot Antichnosti do sovremennosti [History of the soul from antiquity to the present] / tr. by S. Karpushina. Moscow: Tekst, 2019. 477, [3] p.
52. **Shkurinov P. S.** Filosofiya Rossii XVIII veka [Philosophy of Russia in the 18th century]. Moscow: Vissh. shkola, 1992. 256 p.
53. **Shpet G. G.** Ocherk razvitiya russkoj filosofii [Essay on development of Russian philosophy. ed. by and afterword by T. G. Shchedrin]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 592 p.
54. **Yakunin V. A.** Istoriya psixologii [History of psychology]. St. Petersburg: Izdatelstvo Mixailova V. A., 2001. 379 p.
55. **Yaroshevsky M. G.** Istoriya psixologii [History of psychology]. Moscow: Misl`, 1985. 575 p.